

Кристофер Бакли
Джон Тирни
Господь — мой брокер

Christopher Buckley
John Tierney
God is My Broker

Кристофер Бакли
Джон Тирни
Господь — мой брокер
роман

Перевод с английского
Виктора Когана

издательство **астрель**

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

Б19

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Бакли, К.

Б19 Господь — мой брокер: роман / КРИСТОФЕР БАКЛИ, ДЖОН ТИРНИ ; пер. с англ. В. КОГАНА. — М.: Астрель : CORPUS, 2011. — 320 с.

ISBN 978-5-271-33778-9 (ООО “Издательство Астрель”)

Мировую славу американскому писателю Кристоферу Бакли принес роман “Здесь курят”, успешно экранизированный в 2005 году. Его книги сразу становятся бестселлерами, и “Господь — мой брокер”, написанный в содружестве с Джоном Тирни, — один из них.

Главный герой, он же рассказчик, — спившийся маклер с Уолл-стрит, который уходит из алчного мира в католический монастырь Каны, получая там прозвище “брат Зап” (т.е. Заправила). Монахи делают очень плохое вино, и монастырь оказывается на грани разорения. Тогда новоиспеченному брату Запу приходится вспомнить свои финансовые познания, и он с помощью брокерских услуг самого Бога превращает Каны в процветающее предприятие, а попутно открывает “семь с половиной законов духовно-финансового роста”. Далее сюжет разворачивается по канонам детективного жанра: монахам предстоит столкнуться с настоящей мафией и с агентами “Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием” и, конечно, им не избежать разборок с Ватиканом.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-271-33778-9 (ООО “Издательство Астрель”)

© 1998 by Christopher Buckley and John Tierney

© В. Коган, перевод на русский язык, 2004

© А. Бондаренко, оформление, 2011

© ООО “Издательство Астрель”, 2011

Издательство CORPUS ®

Оглавление

<i>От автора</i>	7
Глава первая	
Кризис в монастыре...	
Аббат обретает духовного наставника...	
Информация с небес	13
Глава вторая	
Только первым классом...	
Необычный отпор...	
Второй звонок от Брокера нашего	45
Глава третья	
Приезд Филомены...	
Аббат обновляет интерьер...	
Монахи снимают рекламный ролик	65
Глава четвертая	
In vino veritas...	
Нежданный гость...	
Новая Нагорная проповедь	97

Глава пятая	
Ватикан обеспокоен...	
Аббат раздражен...	
Партия в библейские шахматы	133
Глава шестая	
Незадачливый паломник...	
Монсеньор отдыхает...	
Призрак по имени Себастьян...	
Рим гневается...	
Ужасающий сюрприз	173
Глава седьмая	
Посредник из Палермо...	
Телекошмар...	
Последняя конфиденциальная информация...	
Аббат создает банк талантов...	
Удивительный вывод	232
Глава седьмая с половиной	
Письмо от Аббата...	
Новая миссия Каны...	
Последний и самый главный закон	298
О шрифте	313
Об авторе	315

От автора

В конце каждой главы данной книги вы найдете один из Семи с половиной законов духовно-финансового роста. После каждого закона приводится рыночная медитация, рассчитанная на то, чтобы вы лучше уяснили себе Закон. Эти “медитации” главным образом принадлежат перу Кристофера Бакли и Джона Тирни, которых издатель в самом конце привлек к работе над книгой в попытке, по их словам, “оживить материал”. Сотрудничество было не из самых приятных. Я ничуть не сомневаюсь в компетентности и профессионализме господ Бакли и Тирни, однако для общедоступного истолкования божественных принципов требуется некоторая деликатность. Мы не всегда сходились во мнениях относительно формулировки “медита-

ций”, но издатель не раз объяснял, что “на современном рынке литературы по самосовершенствованию” требуется именно такая редакция. Эти слова я расценил как намек на то, что в противном случае книга не будет издана. Я согласился, однако надеюсь, читатель поймет, что приведенные в этих “медитациях” термины и примеры — не говоря уже о мнениях — принадлежат не мне.

По причинам, которые станут ясны позднее, в данном повествовании я вольно обращаюсь кое с какими фактами. Историки расходятся во мнениях относительно мелких подробностей жизни и творчества святого Тадеуша Фессалийского. Можете не сомневаться, однако, что все цитаты из произведений Дипака Чопры и других современных авторов приведены слово в слово, хотя в это и трудно поверить.

БРАТ ЗАП,
монастырь Каны

Господь — мой брокер

*АББАТУ,
с сознанием того,
что доброта и милость Господни
беспредельны*

Глава первая

*Кризис в монастыре...
Аббат обретает духовного наставника...
Информация с небес*

День начался так же, как и все дни в монастыре Каны, — с перезвона колоколов и шарканья обу-тых в сандалии ног по потрескавшемуся линолеу-му. В свое время это был полированный мрамор-ный пол, но мрамор уже давно продали, чтобы расплачиваться за предметы первой необходи-мости в период тяжких испытаний. С нищетой мы к тому времени уже свыклись, но мало кто из нас представлял себе в то прохладное сентябрьское утро, насколько угрожающим становится наше положение.

Начинался второй год моего послушания, и я был глубоко взволнован: после традиционного годового молчания мне было вновь разрешено говорить.

Весь этот год я — молча — задавался вопросом о том, что думают обо мне братья монахи. Жизнь биржевого маклера с Уолл-стрит я променял на жизнь, посвященную молитвам и покаянию, свой портфель — на четки, гул операционного зала фондовой биржи — на григорианские песнопения. Как-то раз, когда я, стоя на коленях, тщательно мыл линолеум (стараясь не слишком сильно нажимать на щетку, чтобы тот не потрескался еще больше), до меня донеслись слова брата Фабиана, сказанные брату Бобу: “Сдается мне, “брат Заправила” покупал втридорога, а продавал по дешевке!” Эта обидная колкость упала на благодатную почву, и все монахи стали звать меня братом Запом. Никогда еще мне не было так мучительно тяжело не нарушить обет молчания, как в ту минуту, но потом я напомнил себе, по какой причине искал убежища, пытался скрыться от алчного мира. К тому же, надо признаться, эти двое были не так уж и далеки от истины. Как сказал мне мой директор-распорядитель в тот день, когда я был уволен из фирмы: “Сейчас наблюдается одна из самых благоприятных тенденций к повышению курсов за всю ис-

торию биржи. Как же вы ухитрились потерять так много денег наших клиентов?” Мне нечего было ответить. Я вышел и направился по Уолл-стрит в бар Слаттери.

— С добрым утречком, — сказал Слаттери. — Как обычно?

Как *обычно*? Сколько же времени я уже сижу здесь по утрам, читая “Джорнал” и накачиваясь “кровавой Мэри”?

— Слаттери, — ответил я, — позвольте задать вам один вопрос, по-дружески: как по-вашему, я уже превратился в пьяницу?

Он задумчиво посмотрел на меня и спросил:

— А что, это мешает вам на работе?

— Уже нет, — признал я.

Это почти все, что сохранилось у меня в памяти о том дне. Очнулся я в подсобке, лежа на животе рядом с ящиком, полным бутылок с надписью “Кана 20-20” на этикетках. С большим трудом, приложив немало усилий, я встал на колени и тщательно осмотрел одну из бутылок, в которой, судя по виду, было красное с оранжевым оттенком вино. Я отвинтил крышечку и выпил глоток. Внезапно я пришел к убеждению, что жидкость, находящаяся сейчас у меня во рту, сильно отдает смесью виноградного напитка “Кул-Эйд” с аккумулятор-

ной кислотой, хотя сам этой смеси ни разу в жизни не пробовал. Я выплюнул жидкость на пол и, шатаясь, поплелся в туалет прополоскать рот от скрипевшего на зубах осадка. Когда меня нашел Слаттери, я, уставившись в зеркало, скovyривал с зубов пятнышки, подозрительно напоминавшие частицы ржавчины. Слаттери уже закрывал заведение на ночь, но я, чувствуя неприятный вкус во рту, принялся молить о чашечке кофе. Он налил мне чашку за стойкой бара.

— Знаете что, — сказал он, когда я, обжигаясь, пытался отхлебнуть кофе, — наверно, вы не созданы для Уолл-стрит. Гляжу я на вас тут по утрам и думаю, что хотите вы только одного: удрать с биржи. А ведь это можно и без выпивки сделать.

Его слова обожгли меня сильнее, чем кофе, хотя и не так сильно, как вино. Возможно, я и вправду не был создан для работы на бирже.

— Удирайте отсюда, — настаивал Слаттери. — Поезжайте за город. Помните, как выглядит трава?

Он показал на календарь, на котором было запечатлено нечто похожее издалека на сельскую местность, — какое-то поле с коровами. А может, и с овцами. Я был не в состоянии отличить одних от других на яркой, красивой фотографии.

— Это овцы или коровы? — пробормотал я.

— Это монахи, пьянь слепая.

— Ах да, верно.

Это была пасторальная сценка. Монахи, занимающиеся чем-то пасторальным. Возможно, с овцами. Я по-прежнему был не в состоянии разобрать.

— Почему монахи? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Это они делают “Кану 20-20”.

Я вздрогнул и глотнул кофе.

— Я пролил немного в подсобке. Прошу прощения. Я вытру.

— Отвратное пойло, — сказал Слаттери. — Здесь им торговать нельзя. Я отдаю его пропойцам. Зато там чудесные места, добрейшей души создания, да и причина, черт возьми, уважительная, не правда ли?

— О чем это вы? — спросил я. — Об овцах или о монахах?

Туман в глазах, этом древнем зеркале души, рассеялся уже настолько, что я сумел наконец разглядеть изображение на календаре. На заднем плане, на покрытом зеленью холме над монахами в винограднике, возвышались кирпичное здание и церковь.

— А места там, похоже, и вправду чудесные.

— Я был там после смерти жены, — сказал Слаттери. — У них есть комната для гостей — без особых изысков, одна только койка. Отродясь так спокойно не отдыхал. Вам, наверно, там понравится. Правда, судя по всему, винодельня для вас сейчас — не самое подходящее место.

— Слаттери, — сказал я, — даже если это пойло будут подавать в Центре Бетти Форд, и то его пить никто не станет.

Слаттери улыбнулся, а я выпил еще один глоток кофе.

— Ну что ж, — сказал он, — возможно, вам и стоит поехать в Кану.

— А далеко это от Уолл-стрит?

— Миль двести, — сказал Слаттери. — Если попадете в Канаду, значит, проехали.

В Канаду я не попал. А неделька в Кане, в монастырском доме для гостей, растянулась на два года. Отдых от профессиональной деятельности превратился в профессию, в призвание свыше.

Когда я пел в то сентябрьское утро вместе с остальными монахами, приятно и покойно было чувствовать себя таким далеким от материального мира со всеми его приобретениями и утратами,

со столь редким достижением согласия между людьми.

Когда я уже собрался было, как обычно, пойти проверить, не побил ли за ночь морозом виноградную лозу, Аббат сделал внеочередное объявление.

— Прежде чем приступить к выполнению своих обязанностей, — произнес он нараспев, — все соберитесь в калефактории¹. Я должен вам кое-что сообщить.

Мы расселись вокруг раскладных ломберных столов, сдвинутых вместе так, чтобы с виду они напоминали великолепный флорентийский стол пятнадцатого века — тот, что мы продали, когда пришла пора ремонтировать крышу.

Брат Боб, сидевший рядом со мной, прошептал:

— Очередное сообщение. Что еще тут осталось продать? Нас?

Перед нами стоял Аббат, воплощение крайней усталости. Человек лет пятидесяти пяти, с богатырской грудью, как правило, он говорил густым баритоном и был весьма энергичен, что придавало нам

¹ *Калефактория* — от лат. “теплая комната”, место, где, по традиции, собираются монахи, чтобы побеседовать у камина. (Здесь и далее — прим. автора.)

бодрости в течение долгих зим. Наверняка благодаря именно этому качеству он и стал когда-то капитаном футбольной команды “Крест Господень”. Однако тем утром, в предрассветном сумраке, жизнерадостное обычно лицо казалось перекошенным и осунувшимся. Явно давало себя знать переутомление, вызванное попытками отделаться от кредиторов и наблюдениями за тем, как монастырь буквально разваливается на части. В последнее время он вел себя странно. Некоторые из старших монахов шушукались, утверждая, что он частенько невнятно, непристойно ругается по-латыни. В глазах его появилось то, чего я никогда раньше не видел: безумное выражение.

— Братья, — сказал он, обращаясь к нам, — я начну с хорошей новости. Не может быть почти никаких сомнений в том, что мы живем в строгом соответствии с данным нами обетом нищеты. — Он показал нам пригоршню купюр. — У нас триста четыре доллара. На нашем счете в банке пусто. Наш кредит исчерпан. Не осталось ничего ценного на продажу. — Он вздохнул. — Разве что торговцы антиквариатом проявят вдруг интерес к нашему старинному линолеумному полу. У нас остался один исправный автомобиль, и бак заполнен бензином только на четверть. Нет ни малейшей надежды на то, что нам

удастся завлечь в гости отшельников, пока мы не сделаем что-нибудь с водопроводом и — я далек от того, чтобы в чем-то винить брата Тома, — нашим питанием.

В течение последних четырех месяцев мы оставались в живых лишь благодаря льготным продуктовым талонам да коробкам с консервами — свеклой и зеленой кукурузой с бобами, — которые, как сообщил нам даритель, выпали из кузовов каких-то полугрузовых автомобилей на границе штата.

— Я вновь обратился с прошением в Ватикан, к главам нашего ордена.

Наш монастырь был последним оплотом некогда процветавшего ордена святого Тадеуша. Основатель наш, пылкий духом кающийся грешник, живший в двенадцатом веке и в конце концов преданный мученической смерти по приказу султана Омара Великодушного, передал орден в непосредственное подчинение Папы Римского. Однако после прискорбного случая десятилетней давности наши отношения со Святым Престолом стали натянутыми. Монахи, по традиции, послали Папе первый ящик молодого вина. Его святейшество выпил бокал за обедом и вскоре после этого занемог. И хотя неопровержимых доказательств того, что его сильное недомогание было вызвано именно

нашим вином, так и не нашлось, химический анализ выявил ряд “посторонних примесей”.

— Ватикан вновь не выразил желания оказывать финансовую помощь, — сказал Аббат. — Мое предупреждение о том, что нам, вероятно, придется закрыть винодельню, было встречено без всякой тревоги. Впрочем, откровенно говоря, едва ли их можно винить.

Аббат говорил так, словно ему было очень трудно сдерживать свои чувства.

— Наше винодельческое оборудование безнадежно устарело. Из-за проблем с контролем качества от марки “Кана” отказались уже все оптовые фирмы по сбыту вина, кроме той, которой владеет дядюшка брата Теодора. Да и его рвение и преданность теперь под вопросом. Дядюшка Лео позвонил мне вчера, после того как попробовал “Канануво”. Он человек деликатный. У меня сложилось впечатление, что его доброжелательность подвергнется серьезному испытанию.

— Что он сказал? — спросил брат Тео.

— Он довольно подробно описал те трудности, с которыми столкнулся, пытаясь выпить глоток. У него нет желания бросать нас в беде, однако он сказал, что в Америке, даже в самых неблагополучных районах, да и вообще в промышленно развитых

странах, вряд ли найдется хоть один винный магазин, который мог бы купить у него “Кану”, какой бы низкой ни была цена. Он спросил, не рассматривали ли мы когда-нибудь возможность реализации этого вина в качестве промышленного растворителя. Я заверил его в том, что он, должно быть, получил недоброкачественную партию. Как бы там ни было, на будущей неделе он приезжает дегустировать вино нового урожая, и я думаю, что злоупотреблять его доверием больше нельзя. Господь не требует, чтобы мы превращали воду в вино, но нам следует научиться делать вино из винограда. Если не сумеем, лучше найти себе другое занятие, потому что, когда кончатся эти триста четыре доллара, Кане тоже придет конец.

Воцарилась глубокая тишина, даже более глубокая, чем та, что обычно царит в монастыре. Заговорил брат Алджернон:

— То есть придется закрыть монастырь?

— Согласно уставу ордена святого Тадеуша, мы должны быть экономически самостоятельными. Вряд ли святой Тад обрадовался бы, узнав, что мы живем на льготные продуктовые талоны. На носу зима. Я еще не оплатил прошлогодний счет за горючее и смазочные материалы. Если у вас нет никаких соображений по поводу альтернативных

источников тепла, нам грозит зима без отопления — перспектива не из приятных, если учесть, что при здешнем климате температура, как правило, падает до десяти градусов ниже нуля. Обета невменяемости никто из нас не давал. Как и обета гипотермии.

Я попытался развеять мрачное настроение:

— Возможно, мы могли бы топить печь вином.

Моя попытка бездумно пошутить была встречена молчанием. Некоторые братья неодобрительно посмотрели на меня.

— А получится? — с надеждой в голосе спросил брат Джером.

Брат Джером, который ухаживал за свиньями и курами, пользовался репутацией не только благочестивого монаха, но и простодушного человека.

Аббат тяжело вздохнул — как вздыхал всякий раз, когда брат Джером вносил очередное полезное предложение.

— Этот вопрос мы рассмотрим со всей серьезностью. Думаю, брат Зап пытался нас развеселить. Вероятно, одного года молчания ему маловато. — Он пристально посмотрел на меня. — Брат, зайдите, пожалуйста, ко мне в кабинет. После того как сможете брату Джерому навести чистоту в свинарнике.

После короткой общей молитвы он велел нам приступить к исполнению своих обязанностей. Храня покаянное молчание, я отправился чистить клевет, а разделавшись с этим, зашел к Аббату.

Он сидел, углубившись в чтение, за своим рабочим столом — старой дверью, лежащей на двух грязноватых желто-коричневых шкафчиках для хранения документов.

— А, брат Зап!

Закрыв книгу, он заметил, что я прочел название:

НАКОПИТЬ И ЖИТЬ В ДОСТАТКЕ

*Сознание богатства в поле безграничных
возможностей*

Дипак Чопра, доктор медицины

— Слыхали когда-нибудь об этом парне? — Аббат стал читать вслух текст на суперобложке: — “С присущей ему строгой, ясной мудростью Дипак Чопра раскрывает глубокий смысл сознания богатства, а также предлагает поэтапный план обогащения и реализации потенциальных возможностей на всех уровнях нашей жизни”. Его книги расходятся миллионными тиражами. Я слышал, он постоянно выступает по телевидению, по учебному каналу.

— Надеюсь, вы не всерьез... — Я осекся. У бедняги на лице было написано, что он и вправду настроен серьезно. Он дошел до ручки. Я решил, что лучше ему не перечить. — Ну и как, цветут лилии в этом поле безграничных возможностей?

— До поля я еще не дочитал. Он разработал систему под названием “Шаги к обогащению от „А“ до „Я“”. То ли это чрезвычайно сложный метод, то ли...

— Полнейшая чушь?

— Честно говоря, Фома Аквинский показался мне более доступным. Я понятия не имею, о чем толкует этот парень. Потому я вас и пригласил. На Уолл-стрит вы имели дело с богачами. Насколько мне известно, у Чопры множество последователей. А вы о нем какого мнения?

— Ну, — сказал я, попытавшись увильнуть от прямого ответа, — вряд ли у него тут много полезных советов по виноделию.

— Советов? Посмотрим-ка букву “С”, — сказал Аббат, возбужденно листая книжку. Потом прочел вслух:

“Буква “С” символизирует Сознание богатства без забот. Сознание богатства предполагает от-

сутствие денежных забот. Истинные богачи никогда не боятся потерять деньги, поскольку знают, что там, откуда берутся деньги, их запас неисчерпаем.

Однажды, когда я и мой учитель Махариши Махеш Йоги обсуждали план установления всеобщего мира, кто-то спросил его: “Где же взять столько денег?” И он ответил без колебаний: “Там, где они находятся в данную минуту”.

Аббат с видом человека, доведенного до отчаяния, взглянул на ярлык с указанием цены на корешке книги:

— Я заплатил за нее четырнадцать долларов. Эти деньги уже отправлены Дипаку Чопре. Вот где находятся мои деньги в данную минуту.

— Возможно, вам следовало бы истратить эти четырнадцать долларов на бутылку вина, — сказал я. — По крайней мере выпили бы что-нибудь, не содержащее частиц ржавчины.

— Наверно, вы правы. Надо было зайти не в книжный магазин, а в винный. Несомненно, именно там находится в данную минуту хорошее вино.

Внезапно он переменялся в лице и вновь напряженно взгляделся в текст:

— “Там, где они находятся в данную минуту... Там, где они находятся в данную минуту”.

Он встал:

— У меня для вас поручение, брат Зап.

Въезжая в город на пикапе “форд” семьдесят восьмого года, я неожиданно для себя принялся ломать голову над смыслом невнятных бормотаний Аббата. Он вручил мне последние триста четыре доллара Каны, велел поехать в винный магазин и истратить их на шесть ящиков “доброго чилийского столового вина”. Я то и дело твердил себе, что скорее всего он хочет подвергнуть вино анализу, дабы повысить качество нашего собственного пойла. Но пока шасси вибрировало на проселочной дороге, мне не давал покоя один вопрос: если это так, то зачем ему понадобилось столько вина? *“Там, где они находятся в данную минуту”*. Это напоминало слова Уилли Саттона, сказанные судье в ответ на вопрос, зачем он грабит банки: “Так ведь там же деньги лежат”.

Едва ли Аббат замышлял что-либо предосудительное. Настоятель монастыря, названного в честь первого чуда Христова, не стал бы превращать одно вино в другое. Несомненно, нам следо-

вало пытаться повысить качество нашего собственного вина, а не наливать в свои бутылки чужое — лишь бы одурачить дядюшку Лео. Да и вряд ли у нас хватило бы средств на покупку такого количества “доброго чилийского столового вина”, чтобы длительное время вводить в заблуждение своих покупателей. Я вновь и вновь уверял себя в том, что Аббат — истинный праведник, порядочный, благочестивый человек, который отказался от сулящей большие перспективы карьеры профессионального футболиста, дабы вести жизнь, наполненную религиозным созерцанием. Принявшись размышлять о своем обете послушания, я постепенно успокоился.

На вершине холма я услышал громкий скрежет где-то возле коробки передач, после чего появился дым. Я съехал на обочину. Проезжавший мимо автомобилист любезно согласился позвонить по своему сотовому телефону в гараж. Час спустя я уже понуро сидел в гараже Кларка, а Кларк, вытирая замасленное лицо, уверял меня в том, что новая коробка передач обойдется в шестьсот пятьдесят долларов. Я показал ему свои триста четыре доллара и объяснил, что эта сумма представляет собой денежный эквивалент общей стоимости Каны. Он сжалился надо мной и приступил к работе.